

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ДРАМЫ ВЫБОРА МЕЖДУ ЦЕЛЯМИ И СМЫСЛАМИ

Если попытаться предельно кратко и лаконично обозначить фундаментальное этическое основание человеческого существования, то таковым, безусловно, является ситуация морального выбора. Именно в процессе экзистенциального самоопределения в полифонии поведенческих сценариев человек оказывается перед необходимостью выбора ценностных предпочтений «своего присутствия в бытии».

В свое время, когда Ницше провозгласил сакраментальный и скандальный философский лозунг «Бог мертв...», этическое сознание столкнулось с проблемой «статуса Абсолютного» в пространстве нравственных представлений о возможном и должном. Поскольку «Бог» передоверил человеку «посюстороннее право» свободно осциллировать между добром и злом, под собственную «субстанциональную ответственность» избирать «облики бытия», постольку, отныне, сама моральность сущего рождается не в трансцендентальных высях, а в каждом уникальном акте человеческих поступков.

Иначе говоря, оказалось, что абсолютность моральных императивов, с их титаническим ригоризмом безусловных деклараций, в свою очередь, производна от «абсолютной оккупированности» человека «божественным ресурсом» избрания личностных транскрипций всех моральных предписаний. «Этическим Богом» становится «творящий ответственность» за все бытие, «распятый совестью» человек! Эсхатологизм традиционных мировых религий, с их изначальным предопределением всего и вся, уступает в этике свой мировоззренческий трон деизму человеческой неангажированности Творцом, драмам «(произ)вольного прочтения» человеком текстов сущего.

Теодицея сотворенного мира трансформируется в антроподицею «режиссирующего бытие» человека.

Но если квинтэссенцией всех этических содержаний провозглашается «событие выбора» определенной (субъективной) онтологии «должного сущего», тогда каковы наиболее знаковые нравственные альтернативы самого этого выбора, в контексте каких «экзистенциальных сюжетов» разворачивается автобиография наших репрезентаций собственной ответственности?

Хрестоматийно проблема нравственного выбора редуцируется к проблеме выбора между добром и злом. Однако это слишком абстрактная и спекулятивная постановка вопроса, так как «Мы – не Боги» и нам не дано «знать» абсолютно и по-истине, «что есть Добро и Зло!» Особенно когда речь идет о добре и зле в их глубинной, не феноменологической, проекции. Более того, именно Добро кажется типичным «номиналистическим» конструктом, порождением «языковых игр». Есть «добродействия и добродетели», но, парадоксальным образом, не поддается речевой артикуляции сама «чтойность» Добра.

Речевой – нет! Но вспомним библейскую метафору: «И по делам узнаете их...». Однако «дела» априорно детерминированы «предпочтениями!» Следовательно, посредством аналитики наших ценностных ориентаций мы можем получить шанс «свидетельствовать» о Добре как о «реальности» самого бытия.

Итак, через «Антологию (повседневных) предпочтений» – к «(бытийной) Онтологии Добра!»

В этической литературе обсуждается целый ряд мировоззренческих парадигм человеческого поведения, обще-

ния и деятельности. Это – и кантовская дилемма склонностей и долга; и гегелевская дихотомия нравственно «общепринятого» и морально «общезначимого», и марксистский дискурс «революционной практики» народных масс; и экзистенциалистский «бунт против абсурдности обезличенного бытия»; и фроммовская оппозиция «иметь многое или быть многим»; и экологически фундированный призыв А. Швейцера к «благоговению перед жизнью». Все они, разумеется, характеризуют важные аспекты человеческого существования. В них схвачены и отражены принципиальные векторы нашей возможной активности. Каждая из названных поведенческих стратегий эксплицирует то или иное приоритетное направление многообразных социальных практик. И тем не менее, как нам представляется, они «факультативны» по отношению к более общей этической антиномии, наделяющей их статусом своих «экзистенциальных модальностей».

По нашему мнению, качеством «порождающей матрицы» всех остальных этических детерминант человеческого бытия выступает оппозиция «Блага и Благополучия». Или, в терминологии Вл. Соловьева, – аксиологический конфликт между «безусловно должным» и «безусловно желательным». Именно здесь зарождаются и ценностно кристаллизуются все последующие корректуры наших моральных самоопределений. Здесь же располагается граница тождества и различия моральных ориентиров и прагматических «ориентировок». Наконец, в зоне экзистенциального соприкосновения этих мировоззренческих ракурсов восприятия бытия катастрофически самообнажается подпольная семантика (грехо)падения в повседневность.

Попробуем объяснить. Поставим вопрос ребром: «Ради чего человеку (должно) быть (добродетельным) человеком? К сожалению, на этот «аморальный» (для нашей моральности!) вопрос мы полагаем возможным(!) отвечать. Отвечать, не понимая того, что подобным образом нас лукаво «искушают» отказаться от жизни в системе абсолютных координат. Отказаться в пользу идолов «пользы и выгоды». Расписаться в привязанности не к Добру, а к лакейскому смакованию «успеха и преуспевания». «Добро» низводится до уровня одного из многих «благ», а выбор между «добром и злом» подменяется выбором ситуативно приемлемого благополучия. Вспомним одного из героев Достоевского, ничтоже сумняшеся, провозглашавшего одиозную максиму: «Пусть мир провалится в тартарары, лишь бы мне вечером чаю попить...»

Абсолютное испаряется! Конвульсивно и кощунственно торжествует Относительное!

Не будем ханжами! Мы не против благополучия! Но мы против того, чтобы благополучие определяло масштабы нашей человеческой подлинности! Задавало критерии человеческого достоинства! Соблазняло тонуть в гордыне купеческого бахвальства! Культивировало «бартерную философию» утилитаризма: «Я – тебе (если, потому и для того, чтобы), ты – мне!» Выстраивало гедонистические западни циничных погонь за «удовольствиями и наслаждениями». Призрачно сулило эвдемонистический «рай счастья» даже перед лицом трагических несовершенств сущего.

Но если вопрос о «пользе добродетельного бытия» выступает аксиологической провокацией нашего ответственного «самостояния в должном», тогда какова изначальная альтернатива подобным «псевдовопросам»? Откуда возникает эта риторика латентного аморализма, полагающая, что у всего есть «цена» и только она выражает собой «действительную ценность»?

Как представляется, в истоках любых ценностных оппозиций нашего экзистенциального самоопределения присутствует в качестве ценностного лейтмотива и имманентной доминанты драматическая коллизия «целей и Смыслов». Человек – существо «целесообразное». Он стремится к тому, чтобы его жизнедеятельность отвечала рационалистическим стандартам «эффективности и результативности». Ориентация на цели кажется естественной и само собой разумеющейся. Достижение цели возводится в архетипический принцип существования. Это – высшее (земное) «Благо» обычного человека. Награда и индульгенция

одновременно. «Победителей не судят!» Добродетельность – всего лишь «мораль слабым», плебеев истории, аутсайдеров всех эпох. Добродетельность допустима там и тогда, где и когда она «технологически» оправдана, встроена в систему «избранных средств». Не менее и не более того!

Но, к счастью, возможно и иное «прочтение» драм человеческого бытия. В контексте этой «возможности» человек своими поступками и жизнедеятельностями мужественно заявляет себе и своим «маннам небесным благополучия», что готов жить, руководствуясь героической формулой «Пусть здравствует только то, благодаря чему каждый из нас «остаётся Человеком», несмотря ни на что!» Это – жизнь в поисках Смысла личностного предназначения! Скромное, но не смиренное приятие своей неповторимой миссии в бытии. «Не в силе Бог, а в правде!» Причем «Смысл», конечно же, в «оптике быта», может выглядеть и как одна из «целей» но, на самом деле он «бесценен», ибо «бесценен».

Когда известный литературный персонаж «Тот самый Мюнхгаузен» формулировал в своем дневнике некоторые «планы на будущее», то среди них фигурировало и поручение «в понедельник совершить подвиг». Чем не «достойная цель» достойного человека? Можно было бы предписать себе еще и «влюбиться в понедельник»; и «стать добродетельным человеком!» Опять-таки «с понедельника!» И так далее, и все в том же духе!.. Разве этот пример не является карикатурным самоотрицанием гипертрофии целей в нашем повседневном бытии? Разве не ясно, что «подвиг», «добродетельность», «любовь» и иже с ними не могут быть «детьми понедельников»? Они – послы бескорыстной (чело)Вечности, а не фантомы суетливой и захваченной заботами благополучия гордыни. Таким образом, бытие, сфокусированное на «смыслах человечности», рассматривает «цели» в качестве своих моральных приложений «должного в сущем», очерчивает арсеналы нравственно допустимых «средств». И тем самым задает герменевтику экзистенциального различения «подлинно доброго» и его всевозможных «порочных» имитаций!